

СООБЩЕНИЯ

В. Д. НИКОЛАЕВ

СВИДЕТЕЛЬСТВО ХРОНИКИ
ПСЕВДО-СИМЕОНА О РУСИ-ДРОМИТАХ
И ПОХОД ОЛЕГА НА КОНСТАНТИНОПОЛЬ В 907 г.

В 907 г., согласно Повести временных лет, киевский князь Олег совершил поход на Константинополь. Около 200 лет в отечественной и зарубежной историографии велись оживленные споры об исторической реальности этого похода; в настоящее время для подавляющего большинства историков она уже не подлежит сомнению¹.

Единственным источником, содержащим непосредственные данные о походе, является русская летопись. Отсутствие прямых свидетельств в византийских и других источниках используют в качестве одного из главных аргументов те исследователи, которые все еще сомневаются в достоверности летописного сообщения о походе. Ученые, признающие поход реальным событием, для подтверждения сообщения Повести временных лет привлекают византийские и восточные свидетельства, содержащие о нем хотя бы косвенные данные. Важное место принадлежит здесь сообщению о руси-дромитах в относящейся к X в. хронике Псевдо-Симеона.

В 1949 г. вышла в свет статья Р. Дженкинза, прямо связывающая данные хроники с походом Олега на Константинополь². Это исследование появилось почти одновременно со статьей Р. Долли³, который, как и А. Грегуар⁴, считал поход Олега легендарным.

Одним из основных аргументов Грегуара и Долли было молчание о походе Олега византийских источников. Дженкинз в своей статье и стремился опровергнуть их точку зрения. Исследователь подверг анализу один отрывок хроники Псевдо-Симеона, где под 18-м годом правления императора Льва VI (т. е. 904 г.) говорится о походе против Византии арабского флота во главе со Львом Триполийским⁵. Этот отрывок помещен в строгой хронологической последовательности событий, между краткой записью о четвертом браке Льва VI (его женитьба на Зое Карбонопсиде)⁶ и сообщением о мерах византийского правительства по оказанию сопротивления флоту Льва⁷. Сообщив о выступлении арабского флота, Псевдо-Симеон перечисляет затем ряд географических объектов, давая после каждого из них объяснение происхождения его названия. При этом хронист не говорит о том, имели ли они какую-либо связь с ходом военных действий, с попыткой Льва Триполийского напасть на Константинополь, и только из сообщения Продолжателя Феофана мы узнаем, что речь здесь идет о тех городах и островах, мимо которых проходил арабский флот в своем движении к острову Самофракия⁸.

Сразу же вслед за этим у Псевдо-Симеона, и только у него одного, идет перечень географических названий, которые не имеют никакого отношения к походу Льва Триполийского, причем снова хронист пытается объяснить происхождение каждого наименования и вновь без всякой связи с историей. Отсюда Дженкинз сделал вывод, что Псевдо-Симеон, как и ранее, «из-за своей страсти к археологическим изысканиям» взял из общего с Продолжателем Феофана источника список географических названий, опустив об-

стоятельства их появления в источнике⁹. Продолжатель же Феофана вообще не заинтересовался этим сюжетом и обошел его молчанием в своей хронике. Поэтому Дженкинз считает, что и в этом случае в источнике, которым пользовались оба хрониста, описывался поход на Константинополь каких-то вражеских войск (по мнению автора, русских).

У Псевдо-Симеона, таким образом, сохранены лишь названия мест, мимо которых (или через которые) проходили эти войска. В списке имеются названия: *Μεσημβρία*, *Ἄϊμος*, *Μήδεια*, *Σηλοβρία*, *Μακεδονία*, *Νικόπολις*, *Ἱερὸν*, *Φάρος*, *Ῥῶς δέ, οἱ καὶ Δρομίται, ὁ Τρικέφαλος βουὸς κατὰ τὸ Ὀφίκιον, Ῥαδηνός*¹⁰.

Этот отрывок, по мнению Дженкинза, имеет непосредственное отношение к русским, упомянутым в нем как «русские-дромиты». Мыс Эмос, Месемврия, Мидия (Салмидес), Фарос (Румели-Фанар), Иерон (Анадоли-Кавак) — это места, расположенные на пути морских походов русских на Константинополь. Силимврии (Силиври) на Мраморном море можно было достигнуть, по мнению автора статьи, сухим путем, сойдя на берег в Месемврии и двигаясь через территорию Византии. Упоминание в тексте близко друг от друга Мидии и Силимврии, возможно, говорит о том, что между ними должен был быть помещен Константинополь, тогда как упоминание мыса Трикефал в феме Опсикий может указывать на то, что неприятель, как и в 941 г., высаживался в Вифинии; Никополь и Македонию Дженкинз опускает. Радин, по его мнению, — это известный из византийских источников командующий флотом, который мог быть выслан навстречу русским. Исследователь отводит вероятное возражение относительно того, что упомянутый список обозначал путь на Константинополь войска Игоря в 941 г., так как Псевдо-Симеон ниже говорит об этом походе отдельно, вновь приводя те же места.

Таким образом, в источнике, которым пользовался Псевдо-Симеон, находился рассказ о походе Руси на Константинополь. Но когда был этот поход? Псевдо-Симеон вставляет «русский» список¹¹ названий в описание похода Льва Триполитского, между его появлением и мерами византийского правительства по оказанию ему сопротивления. Дженкинз полагает поэтому, что событие имело место около 904 г. К указанной дате близок поход Олега на Константинополь, относимый к 907 г. В тексте «русского» списка между описанием Фароса и мыса Трикефал находится испорченный и трудный для понимания отрывок, в котором речь идет о руси-дромитах и их «божественно-озаренном» вожде (или вождях): *Ῥῶς δέ, οἱ καὶ Δρομίται, φερόντων ἀπὸ Ῥῶς τινὸς σφοδρῶ διαδραμόντες ἀπληγμάτα τῶν χρησαμένων ἐξ ὑποθήκης ἢ Θεοκλυτίας τινὸς καὶ ὑπερεχόντων αὐτοῦς, ἐπικέκληνται. Δρομίται δὲ ἀπὸ τοῦ ὀξείως τρέχειν αὐτοῖς προσεγγένοτο*¹².

В этом отрывке не вызывают сомнений лишь начало и конец, где предпринята попытка этнологического объяснения слов «россы» и «дромиты»: «Русские, также называемые дромитами, получили свое имя от некоего храброго Росса: . . . дромитами они назывались потому, что обладали способностью быстрого передвижения». Остальная часть абзаца не дает ясного смысла.

Дженкинз предлагает следующий перевод этого трудного места: «Русские. . . усвоили изречение оракула, данное им путем внушения и божественного озарения теми, кто господствовал над ними»¹³. Но кто были эти «божественно-озаренные» вожди? Вероятно, считает автор статьи, это намек на возможность обожествления вещица, мудрого Олега. «Не сам ли это Олег?» — спрашивает Дженкинз¹⁴.

В заключение исследователь предлагает следующую расшифровку сообщения источника Псевдо-Симеона: «Русские, также называемые дромитами, под предводительством вождей, наделенных мудростью или божественным озарением, пришли морем, обогнули мыс Эмос и перешли государственную границу в Месемврии, а сухопутное войско, пройдя через Болгарию или сойдя с судов в Месемврии (или Мидии), пробилось через Фракию и достигло Мраморного моря у Силимврии. Суда, идя вдоль

берега, повернули в пролив у Фароса, прошли Иерон (или разбили византийскую эскадру у Иерона) и достигли суши у Трикефала, на вифинском побережье. На Константинополь было произведено нападение с суши и моря, от Мидии до Силимврии. Византийским флотом командовал Иоанн Радин»¹⁵.

Гипотеза Р. Дженкинза вызвала большой интерес в византиноведении, у нее нашлись сторонники и противники. В 1951 г. к гипотезе присоединился А. А. Васильев, который, однако, отметил трудность расшифровки отрывка¹⁶. В советской историографии выводы Дженкинза положительно оценили М. В. Левченко, Г. Г. Литаврин, А. Н. Сахаров и др.¹⁷

В 1952 г. с возражением против статьи Дженкинза выступил Долли, утверждавший, что Псевдо-Симеон имеет в виду не поход Олега, а экспедицию Льва Триполитанина¹⁸. Однако точка зрения Долли является спорной, поскольку «русский» список включает пункты, расположенные на Черноморском побережье (Месемврия, мыс Эмос, Мидия), Босфоре и Мраморном море (Иерон, Фарос, Силимврия, мыс Трикефал), куда в 904 г. флот Льва Триполитанского не входил.

Гипотезу Дженкинза подверг критике и К. Манго¹⁹. На точку зрения Манго оказал влияние Ф. И. Успенский, с которым автора роднит прежде всего сам подход к исследованию данной проблемы — игнорирование «русского» списка географических названий и изучение лишь одного отрывка о руси-дромитах²⁰. Ф. И. Успенский сближает с данным отрывком имеющийся у Продолжателя Феофана рассказ о чудесах патриарха Иоанна VII Грамматика (837—843). Согласно этому сообщению, Иоанну чудесным образом удалось отвратить от грабежа населения Византии дикое языческое племя. Это племя Успенский отождествляет с русскими на том основании, что русские в это время напали на Византию. По его мнению, на это же событие намекает и отрывок о руси-дромитах. Дромитами, считает исследователь, русские были названы за то, что быстро сбежали из Византии²¹. Данный отрывок Успенский датирует временем до 842 г., т. е. периодом правления императора Феофила и патриаршества Иоанна²². Но сам же Успенский считает, что рассказ о чудесах Иоанна мог быть просто легендой, созданной для того, чтобы объяснить состояние одной из статуй константинопольского ипподрома²³. На наш взгляд, это мнение вполне справедливо. Однако оно ставит под сомнение саму гипотезу Успенского, и прежде всего датировку похода. Исследователь пытается найти аналогию свидетельствам Псевдо-Симеона в рассказах русской летописи о набегах Руси на Византию времен Аскольда и Дира, предлагая изменить датировку этих походов. Но и эта аналогия представляется нам весьма сомнительной.

Подобно Ф. И. Успенскому, К. Манго также отвергает «русский» список; он основывает свое исследование лишь на анализе трудно понимаемого и испорченного отрывка, который он пытается реконструировать и расшифровывает следующим образом: «Русские, также называемые дромитами, получили свое имя от некоего могущественного Росса, после того как им удалось спастись от последствий (избежать последствий) того, что предсказали о них оракулы, благодаря какому-то предостережению или божественному озарению того, кто господствовал над ним. Дромитами они назывались потому, что обладали способностью быстрого передвижения»²⁴.

Таким образом, полагает Манго, в отрывке содержится намек на пророчество, сделанное каким-то оракулом (подобно пророчеству Василия Нового о походе Игоря в 941 г.), которое и предсказало полное поражение русских. Но русским удалось спастись бегством от полного разгрома благодаря способности их предводителя Росса. Однако трудность датировки и атрибуции отрывка делает выводы исследователя менее уверенными. «Когда нужно связать наш отрывок с определенным историческим событием, мы не находим для этого достаточно твердой почвы», — вынужден констатировать Манго²⁵. С одной стороны, под влиянием Ф. И. Успенского Манго

пытается связать отрывок с походом Руси на Константинополь в 860 г., с другой — упоминание в отрывке «божественно-озаренного» вождя — с указанием на поход Олега²⁶. Но сам же Манго признает, что в отрывке речь идет не о победе русских, а об их разгроме и бегстве²⁷. Это противоречит имеющимся у нас данным о походе Олега, и поэтому атрибуция Манго должна быть признана весьма спорной. Вырывать текст о руси-дромитах из контекста, отторгая его от списка географических названий, — значит лишь затруднять возможность его датировки. К. Манго, к сожалению, не оценил того, что аналогия с «арабским» списком географических названий, отнесение «русского» списка к 904 г., рассмотрение самого отрывка лишь в тесной связи с этим списком дали Дженкинзу возможность установить дату похода, тогда как сам отрывок датировать крайне трудно. Отсюда и неуверенность выводов К. Манго²⁸.

Как видим, оценивая гипотезу Р. Дженкинза, все исследователи оказались единодушными в том, что это свидетельство Псевдо-Симеона нельзя игнорировать. Мы также попытаемся разобраться, возможно ли связывать эти данные с походом Олега на Константинополь в 907 г. Оставим пока в стороне дату похода — к ней мы вернемся ниже.

Прежде всего отметим параллели, существующие между походом руси-дромитов и походом Олега на Константинополь. По мнению Дженкинза, эти параллели следующие:

- 1) «божественно-озаренный» вождь дромитов и «вещий» Олег²⁹;
- 2) путь русских на Константинополь. Но морской путь, как отмечает Дженкинз, — это обычный путь, которым пользовались русские, поэтому он не может свидетельствовать именно о походе 907 г. Следовательно, остается лишь путь через Месемврию на Силимврию.

Проанализируем аргументы Дженкинза.

1. Дженкинз сближает вождя дромитов и Олега лишь из-за сходства эпитетов, которыми они охарактеризованы, — «божественно-озаренный», и «вещий». Но вспомним контекст Повести временных лет, где Олег назван «вещим». В 907 г. Олег после удачного похода, заключения выгодного для Руси договора возвращается в Киев, «неся золото и паволоки и овощи и вина и всякое узорчье. И прозваша Олга — вещий: бяху бо людие погани и невегласи»³⁰. Как видим, Олег назван «вещим», т. е. мудрым, именно за свой удачный поход, выгодный для Руси договор, большое количество дани, привезенной из Константинополя. Замечание же о том, что люди тогда были язычниками, явно добавлено позднее для разъяснения термина «вещий», т. е. в понимании летописца, «волхв», «прорицатель». Действительно, в позднейшей церковной практике, как об этом свидетельствуют памятники XV—XVII вв., слово «вещий» было синонимом слова «кудесник», «волхв» лишь с незначительными, неуловимыми теперь оттенками³¹. Однако Олег назван вещим прежде всего благодаря своей мудрости и полководческому таланту. Иначе представляется странным включение в летопись легенды о смерти Олега. Если бы Олег действительно обладал даром предвидения, вряд ли ему понадобилось бы обращаться к волхву с вопросом об обстоятельствах своей грядущей смерти. В эпитете же «божественно-озаренный», как видно из контекста отрывка, отмечалась прежде всего способность к предвидению, прорицанию.

Большой интерес представляют и археологические данные. Б. А. Рыбаков, рассматривая погребения кургана Черная Могила близ Чернигова, датируемые X в., отмечает: «Современники покойных дали нам понять, что под насыпью Черной Могилы лежат люди, облеченные правами не только военачальников, но и жрецов, люди, которым могут понадобиться на том свете и ножи для заклания жертв и священные ритоны для провозглашения благоденствия соплеменникам. Такое сочетание военного и жреческого могло быть только в лице князя. Во многих славянских языках „князь” и „жрец” звучат почти одинаково: чешский: князь — kněz, жрец — kněž; польский: князь — książę, жрец — ksiadz. Мы знаем, что у славян князь нередко выполняли функцию верховных жрецов»³².

Очевидно, «божественно-озаренный» вождь дромитов также выполнял функции верховного жреца, считался прорицателем, что может свидетельствовать, по всей вероятности, о его славянском происхождении. Среди дромитов могли быть также и норманны (варяги)³³. Как видим, аналогия А. Куника — Р. Дженкинза — К. Манго является лишь чисто внешней.

2. Гипотезу о движении сухопутных войск Дженкинз строит на основе анализа имеющихся в списке названий «Месемврия» и «Силимврия» и близости их упоминания. По почему до Силимврии русские шли именно сухим путем? Промежуточные пункты между Месемврией и Силимврией не упомянуты. Сами географические названия стоят в списке далеко не в том порядке, в каком рассматривает их исследователь. Согласно Дженкинзу, Фароса русские достигли ранее Иерона, а в списке он стоит после Иерона. В настоящее время Фарос убедительно локализуется при входе в Босфор из Мраморного моря³⁴. Поэтому возможно, что поход был лишь морской, который и окончился у мыса Трикефал, стоящего в списке перед именем «Радин» (подробнее об этом см. ниже).

Теперь следует выяснить происхождение названия «дромиты». Дромитами, отмечает А. А. Васильев, русские были названы не потому, что могли быстро бегать, а по названию места в устье Днепра, откуда они отправлялись в грабительские набеги³⁵. Это был длинный узкий участок земли или побережья, известный с древних времен как Ἀχιλλέως δρόμος, или Ахиллов бег. Культ Ахилла Понтарха был распространен на северных берегах Черного моря (остров Ахилла, храм Ахилла в Ольвии). Уже Птолемей около 140 г. н. э. говорит о тавроскифах как об обитателях окрестностей Ахиллова дрома. Но название «тавроскифы» было позднее перенесено византийцами на русских³⁶. Географ VI в. Стефан Византиец упоминает Ἀχιλλέως δρόμος, называя его островом, а его жителей — Ἀχιλλεοδρομίται. Участок Ахиллова дрома был очень низким местом, подверженным наводнениям, по всей вероятности, никогда не был населен, и, таким образом, Ахиллеодромиты, как можно предполагать, обитатели terra firma, т. е. берега, противоположного дromу.

Согласно легендарной традиции, участок получил название δρόμος (т. е. бег), поскольку Ахилл в поисках своей возлюбленной Ифигении в Скифии прошел через него; Плиний же говорит, он был назван бег Ахилла, потому что был местом его упражнений³⁷.

Совершенно очевидно поэтому, что «русь-дромиты» Псевдо-Симеона не войско Олега³⁸, а славяно-варяжская вольница, обитавшая в устье Днепра и на побережье Черного моря, «русская промысловая и торговая вольница, напоминающая будущих „галицких выгонцев“ и бродников, с которыми ее роднит даже смысловое значение наименования „дромит“»³⁹. Эта вольница, по всей вероятности, и совершала грабительские набеги на византийские владения. Именно таким набегом на окрестности Константинополя, возможно, и был их поход под предводительством «божественно-озаренного» вождя.

Таким образом, можно объяснить, почему это событие не отмечено у Продолжателя Феофана: это был рядовой грабительский набег, каких много видела Византия, и если упоминание о нем сохранил Псевдо-Симеон, то лишь из-за своей «страсти к археологическим изысканиям».

Упоминание этого похода в связи с попыткой Льва Триполийского напасть на Константинополь не является, на наш взгляд, случайностью. Как известно, во второй половине июля 904 г. Лев Триполийский во главе арабского флота двинулся на Константинополь и дошел до гавани Парий у входа в Мраморное море, которую и занял⁴⁰. В связи с угрозой Константинополю на борьбу со Львом был отправлен византийский флот под командованием Имерия. Лев не решился вступать с ним в борьбу и покинул Парий. Вскоре вслед за ним выступил Имерий и настиг флот Льва уже у острова Фасос⁴¹. Отсутствием византийского флота в Константинополе, вероятно, и воспользовались дромиты для нападения на его окрестности. Таким

образом, их набег, возможно, состоялся во второй половине июля 904 г., когда флот Имерия преследовал флот Льва.

Р. Дженкинз связал «русский» список географических названий с текстом о руси-дромитах и, таким образом, указал нам маршрут набега дромитов. С учетом его выводов попытаемся восстановить гипотетическую картину набега дромитов на окрестности Константинополя. При этом важно отметить, что первым городом, мимо которого прошли дромиты, является, согласно списку, Месемврия. Очевидно, дромиты под предводительством «божественно-озаренного» вождя отплыли с места сбора (вероятно, из устья Днепра) под покровом темноты. Херсонский стратег, обычно сообщавший в Византию о движении Руси, на сей раз не смог этого сделать, потому что дромиты успели выйти в открытое море. Болгары же не стали доносить о них византийцам и пропустили дромитов мимо своих берегов, вероятно, потому, что набег дромитов на Византию с целью грабежа был им столь же выгоден, как позднее и поход Олега. Поэтому первые сообщения о движении дромитов пришли из Месемврии, с византийской границы.

Таким образом, в сообщении источника Псевдо-Симеона могло быть отмечено, что русь-дромиты под предводительством «божественно-озаренного» вождя, идя обычным путем русских на Константинополь, прошли мыс Эмос, Месемврию, Мидию, затем, идя вдоль берега, прошли Иерон и подвергли грабежу окрестности Константинополя до Силимврии. Из Силимврии их заставила уйти византийская эскадра под командованием Иоанна Радина. Дромиты вынуждены были отойти к мысу Трикефал в феме Опсикий. Мыс Трикефал стоит в списке перед именем Радина. Эскадра Радина, вероятно, могла вступить с ними в бой у мыса Трикефал; в бою их суда (подобно — позднее — судам Игоря) могли быть рассеяны и сожжены при помощи «греческого огня»⁴²

Выдвинутой нами гипотезе по существу не противоречит и аргументация К. Манго, которую он приводит в споре с Р. Дженкинзом. Согласно Манго, «русский» список географических названий всего лишь подготовительный материал для рассказа о каком-то морском походе, который нашел и (неизвестно почему. — В. Н.) автоматически воспроизвел в своей хронике Псевдо-Симеон⁴³. Но даже если это так, то для описания какого морского похода мог предназначаться этот материал? Вполне вероятно, что это мог быть морской поход руси-дромитов на Константинополь. Что же касается предложенной Манго реконструкции и расшифровки отрывка, то она может свидетельствовать о том, что поход дромитов окончился неудачей, части их удалось избежать полного разгрома, спастись бегством, вернуться на родину.

Разумеется, наша реконструкция похода дромитов, подобно реконструкции Дженкинза, является также гипотетической. Но она позволяет говорить о возможности набега славяно-варяжской вольницы на территорию Византийской империи в начале X в.

Статья Р. Дженкинза имела целью доказать в полемике с А. Грегуаром и Р. Долли, что поход Олега на Константинополь в 907 г. действительно имел место и что он нашел отражение в византийском источнике. Однако в настоящее время нам представляется более правдоподобным увязывать данные этого источника не с походом Олега, а с набегом руси-дромитов, происшедшим тремя годами ранее.

¹ Новейшую литературу см.: Сахаров А. Н. Поход Руси на Константинополь в 907 г. — История СССР, 1977, № 6, с. 72—103.

² Jenkins R. The supposed Russian attack on Constantinople in 907; evidens of the Pseudo-Symeon. — Speculum, 1949, vol. XXIV, N 3, p. 403—406.

³ Dolley R. Oleg's mythical campaign against Constantinople. — Bulletin de la classe des lettres et de's sciences morales et politiques. 6e sér., 1949, t. XXV, p. 106.

⁴ Grégoire H. La légende d'Oleg et l'expédition d'Igor. — Ibid., 1937, t. XXIII, p. 80—82.

⁵ Theophanes Continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus/Rec. I. Bekker, Bonnae, 1838 (далее — Ps.-Sym.), p. 705—707.

- ⁶ *Ps.-Sym.*, p. 705.
- ⁷ *Ibid.*, p. 707—708.
- ⁸ *Theophanes Continuatus*, p. 367.
- ⁹ В дальнейшем первый список географических названий, связанный с походом арабского флота, мы будем условно именовать «арабским», а второй, имеющий отношение к русским, — «русским».
- ¹⁰ *Ps.-Sym.*, p. 707.3—6.
- ¹¹ *Jenkins R.* Op. cit., p. 405.
- ¹² *Ibid.*
- ¹³ *Vasiliev A. A.* The second Russian attack on Constantinople. — *DOP*, 1959, 6, p. 219.
- ¹⁴ См.: *Левченко М. В.* Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956, с. 112—114; *Международные связи России до XVII в.* М., 1961, с. 11—12; *Литаеврин Г. Г.* Византия и Русь в IX—X вв. — В кн.: *История Византии*. М., 1967, т. 2, с. 230, 444, прим. 20; *Сахаров А. Н.* Указ. соч., с. 98—99; *Он же.* За похода на Олег срещу Византия през 907 г. и за първия руско-български съюзен договор. — *ИП*, 1978, № 2, с. 75—76.
- ¹⁵ *Dolley R.* Pseudo-Symeon and the Oleg controversy. — *The Slavonic and the East European Review*, 1952, vol. XXX, N 75, p. 554.
- ¹⁶ *Mango K.* A note on the Ros-Dromitai. *Melanges St. Kyriakides*. Thessalonica, 1953, p. 554.
- ¹⁷ *Успенский Ф. И.* Патриарх Иоанн VII Грамматик и Русь-дромиты у Симеона Магистра. — *ЖМНП*, 1890, ч. 267, с. 1—31.
- ¹⁸ Подобное объяснение происхождения термина дает и Манго, см.: *Mango K.* Op. cit., p. 462.
- ¹⁹ *Успенский Ф. И.* Указ. соч., с. 25.
- ²⁰ Там же, с. 24.
- ²¹ *Mango K.* Op. cit., p. 458.
- ²² *Ibid.*
- ²³ *Ibid.*
- ²⁴ В 1974 г. была выдвинута гипотеза, согласно которой Псевдо-Симеон в действительности имел в виду факт отправки Владимиром Святославичем в 988 г. отряда в 6 тыс. человек к императору Василию II на помощь против восставшего Варды Фоки. Данная гипотеза, не считающаяся с хронологической последовательностью изложения у Псевдо-Симеона, не нашла поддержки в литературе. См.: *Marcopulos A.* Encore les Rôles-Dromitai et le Pseudo-Symeon. — *JÖB*, 1974, Bd. 23, S. 89—99.
- ²⁵ На этом же основании еще А. А. Куник пытался связать отрывок о руси-дромитах с походом Олега, см.: *Kunik E.* Die Berufung der Schwedischen Rodsen. St.-Petersburg, 1845, p. 496; см. также: *Mango K.* Op. cit., p. 461.
- ²⁶ ПВЛ. М.; Л., 1950, т. I, с. 25.
- ²⁷ Там же, т. 2, с. 270—271.
- ²⁸ *Рыбаков Б. А.* Древности Чернигова. — *МИА*, 1949, 11, с. 34.
- ²⁹ *Чертков А. Д.* О Белобережье и семи островах, на которых, по словам Димешки, жили руссы-разбойники. СПб., 1845, с. 47; *Karlin-Hayter P.* Swift Danes. — *Byz.*, 1965, XXXV, p. 359. Спорной, однако, представляется нам попытка Э. Арвейлер связать русь-дромитов с варяжским княжеством; см.: *Ahrweiler H.* Les relations entre les Byzantins et les Russes au IXe siècle. — *Association Internationale des études byzantines: Bulletin d'information et de coordination*. Athènes; Paris, 1971, 5, p. 46.
- ³⁰ *Литаеврин Г. Г.* Война Руси против Византии в 1043 г. — В кн.: *Киевская Русь и ее славянские соседи*. М., 1972, с. 204.
- ³¹ *Vasiliev A. A.* Op. cit., p. 193.
- ³² *Васильевский В. Г.* Труды. Пг., 1915, т. 3, с. CCLXXX—CCLXXXI.
- ³³ *Vasiliev A. A.* Op. cit., p. 193—194. К сожалению, Манго, выдвигая свою концепцию, эти свидетельства не анализирует.
- ³⁴ Возможность отнесения этого отрывка ко времени Олега отрицал уже Геденов, см.: *Геденов С. А.* Варяги и Русь. СПб., 1876, ч. II, с. 480.
- ³⁵ *Мавродин В. В.* Русское мореходство на южных морях. Симферополь, 1955, с. 53.
- ³⁶ См.: *Васильев А. А.* Византия и арабы. СПб., 1902, ч. II, с. 14.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Подобные нападения совершали позднее запорожцы. Известны удачные набеги запорожцев на окрестности Константинополя и разорение их в 1575 г. и в период с 1620 по 1625 г., см.: *Мавродин В. В.* Указ. соч., с. 144; *Висковатов А.* Обзор морских походов русских в IX—XVII столетиях. М., 1949, с. 61—62.
- ³⁹ *Mango K.* Op. cit., p. 456.